

УДК 94(47) «1914-1917»
DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-701-710
EDN ONRMHR
Оригинальное исследование

Проблема «сахарного голода» на страницах российской периодической печати в годы Первой мировой войны

Сорокина Ж.А.

Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского,
Россия, 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14
E-mail: to-janna@vandex.ru

Аннотация. В статье выявляются причины и факторы, которые предопределили возникновение дефицита сахара в годы Первой мировой войны, а также рассматриваются правительственные меры, направленные на борьбу с «сахарным голодом». Основным источником интерпретации проблемы явились материалы периодической печати, на страницах которой весьма критично комментировались правительственные меры, направленные против роста цен на сахар, регулярно ставился вопрос о реорганизации самой системы управления сахарным производством и его распределения. Не случайно Министерство финансов отслеживало газетные публикации, рассматривая их и как источник сведений о ситуации с сахарным обеспечением, и как информационный ресурс о настроениях населения в связи с возникавшими проблемами. Материалы периодики использовались и в процессе поиска решений преодоления «сахарного голода» в стране.

Ключевые слова: Первая мировая война, продовольственный кризис, периодическая печать, производство сахара, «сахарный голод», тарифы

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Сорокина Ж.А. 2025. Проблема «сахарного голода» на страницах российской периодической печати в годы Первой мировой войны. *Via in tempore. История. Политология.* 52(3): 701–710. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-701-710. EDN: ONRMHR

The Problem of "Sugar Famine" in the Russian Periodical Press during the First World War

Zhanna A. Sorokina

Academician I.G. Petrovsky Bryansk State University,
14 Bezhitskaya St., Bryansk 241036, Russia
E-mail: to-janna@vandex.ru

Abstract. With the outbreak of World War I in the Russian Empire, it became necessary to create a well-functioning system that combined elements of administrative and market mechanisms for obtaining food from its producers and ensuring its sale to the population at affordable prices. The article identifies the causes and factors that predetermined the emergence of a sugar deficit during the war, and also examines government measures aimed at combating the "sugar famine". The main source of interpretation of the problem was the periodical press. In it, government measures aimed at preventing the growth of sugar prices were heavily criticized, and the issue of reorganizing the system of sugar production management and distribution was regularly raised. It is no coincidence that the Ministry of Finance monitored newspaper publications, considering them as a source of information both on the situation with sugar supplies and on the mood of the population in connection with the problems that arose. Periodical materials were also used in the process of finding solutions to overcome the "sugar famine" in the country.

Keywords: World War I, food crisis, periodical press, sugar production, "sugar famine", fixed prices

© Сорокина Ж.А., 2025

Funding: The work was completed without external sources of funding.

For citation: Sorokina Zh.A. 2025. The Problem of "Sugar Famine" in the Russian Periodical Press during the First World War. *Via in tempore. History and political science*. 52(3): 701–710 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-701-710. EDN: ONRMHR

Введение

Законодательство в области сахарной промышленности было установлено актами 1895 и 1903 гг. и в последующие более 10 лет не получило никаких изменений. При руководстве Министерством финансов С.Ю. Витте 20 ноября 1895 г. был принят закон «О некоторых мерах относительно сахарной промышленности»¹⁴⁵, дополненный 12 мая 1903 г. законом «Об изменении и дополнении действующих узаконений о сахарной промышленности»¹⁴⁶. По оценке советского и российского историка А.П. Корелина, «Внимание правительства к этой отрасли обусловливалось как особым покровительством в отношении "благородных" владельцев сахарных заводов (отрасль традиционно считалась дворянской), так и фискальной заинтересованностью – доходы от акциза с сахара занимали второе место (после питейных сборов) среди косвенных налогов» [Корелин, 1999, 59].

Скрытой льготой, полученной производителями сахара от государства, была система взимания акциза, который уплачивался не при выпуске продукции, как в других отраслях, а спустя некоторое время после ее реализации. Производители сахара были вполне удовлетворены установленными нормами, а время от времени возникавшая их общественная критика не находила поддержки со стороны Министерства финансов и не приводила к изменению законодательной базы. С момента принятия законов о сахарном производстве вопрос о реформе сахаропромышленного законодательства поднимался только в исключительных случаях, связанных с определенными потрясениями на сахарном рынке. Такая ситуация возникла в 1908–1909 и в 1909–1910 гг., но она была несопоставима с тем значением, который приобрел сахарный вопрос в период Первой мировой войны.

Объект и методы исследования

Государственная политика, направленная на обеспечение продовольствием населения страны в условиях Первой мировой войны, получила в советской и российской историографии обозначение в качестве сложной, исторически значимой части общенационального кризиса, сложившегося в стране на переломном моменте ее существования. При неоднозначных оценках, основанных в том числе на классовом подходе [Шигалин, 1956], общим являлось мнение о многогранности и принципиальности решения задач, связанных со снабжением продовольствием армии и населения, признание того, что в условиях войны требовались иные подходы к проблемам снабжения [Сидоров, 1973; Китанина, 1985; Оськин, 2018]. Особая роль в освещении этих вопросов, поскольку речь шла о настроениях жителей страны, принадлежала периодической печати, степень участия которой в этом процессе до сих пор за малым исключением практически не являлась предметом целенаправленных исследований [Белогурова, 2006]. Между тем в фонде Редакции периодических изданий Министерства финансов Российской империи, хранящемся в Российском государственном историческом архиве (РГИА), сохранилось дело с газетными вырезками, касавшимися сахарного производства в России. Поскольку вскоре после начала войны производство и продажа сахара стали предметом активного общественного обсуждения, по поручению министра чиновники отслеживали публикации, касавшиеся проблем в этой отрасли. Сохраненные газетные материалы позволяют понять беспокоившие финансовое ведомство вопросы, возникшие в этой сфере¹⁴⁷.

¹⁴⁵ Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗРИ). Собр. 3-е. Т. 15 (1895). № 12166. С. 623–625.

¹⁴⁶ ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 23 (1903). № 22951. С. 511–513.

¹⁴⁷ Газетные вырезки о сахарной промышленности в России 1914–1916 гг. // РГИА. Ф. 564. Оп. 2. Д. 1845.

В ходе исследования автором использовались специальные общеисторические методы: проблемно-хронологический и историко-генетический.

Проблемно-хронологический метод был задействован при выявлении зависимости возникновения «сахарного голода» от менявшегося на протяжении войны внутри- и внешнеэкономического состояния страны. Метод использовался и при интерпретации отношения сахарозаводчиков, властных структур в центре и на местах к сахарной проблеме, а также при рассмотрении имевших место с их стороны способов ее решения на разных этапах военного конфликта. Историко-генетический метод (ретроспективный) позволил выявить причины и факторы, определявшие специфику сахарного дефицита, выявить взаимосвязь возникающих проблем с общественно-политической и экономической ситуацией в стране.

Применение методов содействовало решению главной задачи предлагаемой научной статьи, позволило проанализировать изменения исследуемой реальности в процессе её исторического развития.

Результаты и их обсуждение

«Общий контингент потребления сахара на "сахарный" год с 1-го сентября 1914 по 1-е сентября 1915 г. был определён Министерством финансов в 86 миллионов; количество сахара, необходимого для зачисления в неприкосновенный запас, был предложен в 9 миллионов»¹⁴⁸. Таким образом, на внутренний рынок требовалось поставить 95 миллионов пудов сахара. «Выработано же было, несмотря на уменьшение количества функционировавших заводов, 113 миллионов пудов, а вместе с прошлогодним остатком сахарный запас составлял на нынешний год 123 миллиона пудов»¹⁴⁹. В итоге удалось практически полностью компенсировать потери производства, находившегося в непосредственной близости от фронта. Изготовление рафинированного сахара в это время фактически возросло до рекордного уровня в 1915 г., и, несмотря на снижение в следующем году, объём его оставался примерно на уровне 1914 г. [Gatrell Peter, 2005, 159].

В сложившихся условиях вызывала недоумение ситуация с сахарным дефицитом. По сведениям, приведенным в газете «Новое время», до мая месяца 1915 г. никакого недостатка в сахаре не наблюдалось, и цены еще были вполне приемлемыми. На заводах и в складах Юго-Западного края оставалось значительное его количество, при этом большая половина года уже прошла (запасы были нужны только до осени, когда начиналась выработка нового продукта). Однако, несмотря на очевидные успехи в решении вызванных войной проблем, связанных с производством этого сладкого продукта, в стране возник «сахарный голод». «Чтобы достать фунт сахара, обыватель должен был избегать десять магазинов; более фунта в одни руки не отпускалось, цена сразу повысилась на 20–25 % и, кроме того, требовалась ещё особая премия: чтобы получить по повышенной цене фунт сахара, нужно было купить при этом чая или кофе, – иначе сахар не отпускался»¹⁵⁰.

Ответом на возникшую ситуацию послужила попытка введения административных мер. В большинстве изданий, посвященных экономическому положению страны на начальном этапе войны, упоминается циркуляр Министерства внутренних дел об установлении таксированных цен на ряд продуктов питания. Он датируется уже 31 июля 1914 г., и в этот день (и даже накануне) городскими думами, губернаторами и смешанными комиссиями были определены твердые цены на продукты. Исходя из городового положения, выработка такс на продовольствие была предоставлена городским думам с последующим утверждением губернатором. После этого о них сообщалось в местных губернских ведомостях, и со дня напечатания они считались вошедшими в законную силу¹⁵¹.

¹⁴⁸ РГИА. Ф. 778. Оп. 2. Д. 227. Л. 1.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Новое время. 1915. 21 июня.

¹⁵¹ Новое время. 1916. 10 сентября.

Известный экономист Н.Д. Кондратьев в своей работе, впервые изданной в 1922 г., рассуждал о нормировании цен на примере регулирования хлебного рынка в период Первой мировой войны. По его мнению, оно проявлялось в двух основных формах: «во-первых, в форме воздействия на рыночное соотношение спроса-предложения <...> путем выбрасывания на рынок государственных или муниципальных запасов их, во-вторых, и главным образом, в форме установления указных цен взамен цен вольных» [Кондратьев, 1991, 234]. «Указные цены», по его определению, разделялись на твердые (предельные) цены и на таксы. Первые устанавливались в районах заготовки продуктов, вторые – в местах их реализации. В отношении сахара обсуждался вопрос о желательности издания таксы на него как в местах потребления, так и в местах производства.

Против этого предложения резко возражали представители сахарозаводчиков, которые доказывали, что причины вздорожания сахара лежат не в искусственной спекуляции, а также не в недостатке сахара, а исключительно в неурегулированности железнодорожного товарного движения. Что же касалось запасов сахара на заводах, то они, по их словам, достигают 35 млн пудов, в то время как в прошедшем году их было не более 25 млн пудов. Издание таксы, по мнению производителей сахара, не только не улучшит дело, но может еще и значительно ухудшить его, привести к тому, что Петроград временно останется без сахара. За введение таксы высказались представители чайной и фруктовой биржи, но соглашение не было достигнуто¹⁵². Однако процесс установления принудительных цен уже начал осуществляться на местном уровне.

Помимо загруженности железных дорог, в основе версии Министерства финансов значились две причины сахарного кризиса: установление во многих местах принудительных таксировок цен на сахар и спекуляция со стороны торговцев. «Принудительная токсировка цен приводит к тому, что оптовики намеренно уклоняются от отправки сахара в те районы, где установлены более или менее низкие цены»¹⁵³. Для устранения этого искусственного препятствия, по мнению Министерства финансов, было необходимо принять меры к урегулированию цен на всей территории империи и приведения их к общему уровню¹⁵⁴.

С министерскими выводами отчасти соглашалась и периодическая печать. В статье газеты «Биржевые ведомости», посвященной позиции Министерства финансов по сахарной проблеме, отмечалось, что важнейшей причиной ее возникновения во многих местностях империи, в частности в Петрограде, являлась загруженность железнодорожных линий и недостаток подвоза. «Но кроме этой главной причины, с которой, благодаря особенностям военного времени, очень трудно бороться, Министерством финансов усмотрен ряд других, вызванных отчасти местными условиями отдельных районов, отчасти спекулятивными действиями частных лиц, стремящихся использовать настоящий момент в целях быстрой наживы»¹⁵⁵. Газета «Южный край» приводила свои аргументы по этому вопросу: «Жалобы сахарных гигантов на отсутствие вагонов не являются оправданием повышения цен, поскольку и осенью, и зимой (1914–1915 гг. – Ж.С.) эти причины уже действовали, но цены были значительно ниже. Не понизились они и в местах производства сахара, несмотря на отсутствие необходимости там перевозок»¹⁵⁶.

Что касается торговых спекуляций, то определенный ответ по поводу этой версии содержался в одной из газет, которая еще в середине февраля 1915 г. на основе анализа писем, полученных редакцией от провинциальных торговцев, опубликовала статью под названием «По поводу алчности торговцев». В ней констатировалось, что предпринятый некоторой частью прессы поход против провинциальных продавцов сахара совершенно несправедлив. «Алчность действительно существует, но не у торговцев, а у крупных промышленников и оптовых фирм, и удорожание сахара, хлеба, чая и прочих предметов первой необходимости зависит не от перепродавцов мелких и средних, а от тех фирм, которые руководят, главным образом, распределением продуктов»¹⁵⁷. В повышении сахарных цен обвинялся синдикат

¹⁵² Речь. 1915. 16 мая.

¹⁵³ РГИА. Ф. 778. Оп. 2. Д. 227. Л. 1.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Южный Край. 1915. 25 июня.

¹⁵⁷ Киевская мысль. 1915. 19 февраля.

рафинеров, увеличение стоимости чая происходило из-за соглашения московских чайных фирм, а удорожание хлеба зависело от банков, располагавших его запасами.

Газета «Речь» в мае 1915 г. предоставила свой вариант оценки случившегося: «Даже такая могучая и давно протежирируемая организация промышленности, как сахарная нормировка, оказалась бессильной, когда потребовалось не ущемление потребителя, а его защита. Эта организация не сумела и в наши тяжёлые и ответственные дни ни унять спекуляцию с сахаром, ни предупредить сахарный кризис, т. е. не сумела предотвратить искусственное оскудение при естественном изобилии»¹⁵⁸.

Среди газетных вырезок, сохранных в Министерстве финансов, имеется статья с примечательным названием «Нужды сахарной промышленности». На наш взгляд, тема, поднятая в ней, в некоторой степени раскрывает позицию государства в отношении сахарного вопроса. С началом войны российская экономика столкнулась с рядом серьезных проблем, часть из которых была связана с отсутствием необходимого оборудования для военного производства и сокращением валютных запасов. Решение этих вопросов невозможно было осуществить даже при успешной мобилизации промышленности, и требовалось восполнение отсутствующих материалов за счет заграничной торговли.

В начале апреля 1914 г. в помещении Русского для внешней торговли банка в Петербурге состоялось первое заседание избранного на совещании правления образованного синдиката рафинеров. Оно состояло из восьми человек и должно было находиться в Киеве, собираясь ежимесячно в помещении Русского банка. Для осуществления всех мероприятий, намеченных правлением, была создана особая контора с филиалами во многих городах России¹⁵⁹. Петербургскую контору возглавил управляющий центральным отделением Всероссийского общества сахарозаводчиков М.Ю. Цехановский. Он являлся автором ряда публикаций по правовым аспектам сахарной промышленности, а также исторического обзора этого направления в развитии промышленности за 1800–1904 гг.

В сообщении о создании синдиката рафинеров отмечалось, что главные цели его заключались в нормировании выпуска сахара и упорядочения торговли рафинадом: «Кроме того предполагались крупные работы по собиранию статистических данных о производстве и о нашей внутренней и внешней торговле сахара»¹⁶⁰. Отмечалось, что под этим подразумевалось «приобретение новых рынков для распространения нашего рафинада»¹⁶¹.

Возвращаясь к фигуре М.Ю. Цехановского, следует подчеркнуть, что он являлся активным сторонником организации сахарного экспорта за границу. В своем обзоре истории развития в России свеклосахарной промышленности автор, сравнивая потребление сахара в России за 15 лет, констатировал его рост с 8,07 фунтов до 14 фунтов на душу населения. При этом М.Ю. Цехановский предсказывал, что в ближайшем будущем сахарная промышленность будет играть значительную роль в экономической и финансовой жизни России, и она может и должна принять участие в мировой торговле сахаром [Цехановский, 1904, 43]. В условиях потерь, вызванных войной, цена на сахар на мировом рынке существенно выросла и предоставился шанс выгодного участия в мировой торговле этим продуктом.

Повышение спроса за границей на российский сахар после окончания военных действий связывался в первую очередь с ситуацией во Франции и в Бельгии, где от военных действий не только пострадали сахарные заводы, но и были уничтожены почти все свекловичные посевы. Таким образом, предполагалось, что снабжать сахаром Францию и Бельгию придётся России. В связи с этим по указанию представителей сахарозаводчиков было предположено увеличить текущей весной посевы свеклы приблизительно на 25 тыс. десятин, т. е. довести общую площадь до 800 тыс. десятин¹⁶².

¹⁵⁸ Речь. 1915. 26 мая.

¹⁵⁹ РГИА. Ф. 564. Оп. 2. Д. 1845. Л. 5.

¹⁶⁰ Киевлянин. 1914. 4 апреля.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² РГИА. Ф. 564. Оп. 2. Д. 1845. Л. 3.

К числу потребителей российской сахарной продукции относилась и Англия, которая до войны большую часть необходимого для страны сахара выписывала из Германии и Бельгии и только отчасти из России. Зато в условиях войны именно вопрос ввоза в Англию русского сахара обрел принципиальный интерес для Российской внешней торговли. В феврале 1915 г. последовало сенсационное сообщение о том, что пароходу русско-датского товарищества «Александр Жуков», гружёному российским сахаром, удалось «пробраться» в английский порт Кардифф. «Всего на пароход было погружено 20 229 мешков русского сахарного песка, весом около 135 000 пудов. Сахар этот принадлежит различным русским банкам и частным фирмам и снабжён консульским удостоверением о русском происхождении»¹⁶³.

Газеты сообщали, что с открытием навигации в Архангельске предвидится возможность вывоза значительного количества сахара-песка в Англию. Был также уже установлен специальный пониженный железнодорожный тариф для поставок сахара через Архангельск во Францию. Большие надежды связывались с военными успехами союзников с вытекавшей из них возможностью скорого открытия пролива Дарданеллы. В этом случае «английский мировой рынок для сбыта сахара» приобретал для России, по утверждению печати, особо важное значение¹⁶⁴.

В статье «Дарданеллы и сахарный экспорт» сообщалось, что в связи с операциями союзников у Дарданелл на Киевской сахарной бирже замечается серьёзное повышение цен на конвенционные права, т. е. свидетельства на право вывоза русского сахара. «Цены конвенционных прав, стоявшие недавно на уровне 3,5–4 коп., поднялись сначала до 6 коп., а затем и до 8 коп. за пуд, сделали скачок на 100 %. Рост этот вызван надеждой на скорое открытие проливов, в связи с чем увеличится вывоз русского сахара»¹⁶⁵. Подобное оживление на сахарной бирже наблюдалось в октябре 1914 г., когда у сахарозаводчиков была надежда на большой экспорт сахара в Турцию, испытывавшую большой дефицит этого продукта. Однако вступление Турции в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии обрушило эти надежды, и цены конвенционных прав сразу упали до 2,5 коп. за пуд.

Первая мировая война сказалась на поставках сахара еще в одну страну – в Персию, которая испытывала серьезные бюджетные трудности из-за сокращения вывоза товаров, являвшихся основой внешней торговли страны. При изыскании средств для решения задачи сбалансирования бюджета и увеличения государственных доходов за счет постоянного и надёжного источника Персия ввела сахарную монополию. Государство при этом потребляло ежегодно до 7 млн пудов сахара, и 90 % его поставляла Россия. Участие в сахарной монополии в Персии должно было сыграть важную роль в развитии российско-персидских торговых отношений и явиться новым фактором упрочения политики экономического влияния России в Персии¹⁶⁶.

На активизацию внешнеторговой деятельности настраивал сахарозаводчиков и закон о сахарной промышленности. Его девятый пункт гласил: «При вывозе с заводов за границу излишков сахара, сахар этот освобождается от акциза и дополнительного налога в полном размере»¹⁶⁷. Правда, эта статья закона содержала особое примечание, в котором говорилось, что в случае повышения цен на сахар на заграничных европейских рынках, которое могло бы явиться стимулом к значительному перепроизводству на сахарных заводах в России, министру финансов предоставлялось право войти в Комитет министров с представлением об уменьшении размера или совершенном приостановлении на определенный период льготы по освобождению вывозимого сахара от дополнительного налога¹⁶⁸.

Таким образом, Министерство финансов через нормирование ежегодного производства сахара обеспечивало устойчивые максимально доступные цены на сахар. Излишки изготовленного продукта в случае их вывоза за границу освобождались от уплаты акциза и налогов.

¹⁶³ РГИА. Ф. 564. Оп. 2. Д. 1845. Л. 6.

¹⁶⁴ Там же. Л. 6 об.

¹⁶⁵ Там же. Л. 7.

¹⁶⁶ Там же. Л. 4.

¹⁶⁷ ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 15. № 12166. С. 624.

¹⁶⁸ Там же.

Душевое потребление сахара в государствах Западной Европы заметно превышало российское, но «при существовавшем положении заграничных сахарных рынков, при развитии там сахарной промышленности, при значительной стоимости производства сахара в России, а также и стоимости провоза его за границу, успех вывозной торговли мог быть обеспечен лишь при содействии в том правительства и при поощрении внешней торговли сахаром» [Щехановский, 1904, 43]. Ситуация, вызванная войной, как было показано, внесла изменения в сложившуюся рыночную конъюнктуру. Разумеется, ориентиры на внешний рынок не играли первостепенной роли в позиции российских производителей сахара, но занимали свое определенное место в рыночных отношениях, а представления о длительности войны корректировались той же периодической печатью, которая стремилась представить развивающиеся события в позитивном ключе и как близкие к завершению.

Закон о сахарном производстве и торговле им внутри страны также содержал положения, настраивающие сахарозаводчиков на действия, а точнее – бездействия, в своих интересах. В пятом пункте закона отмечалось, что излишек сахара (сверх обязательного неприкосновенного запаса) мог быть выпущен на внутренний рынок с завода «не иначе, как по предварительной оплате полностью дополнительным налогом, акциз же за этот сахар подлежит уплате на общем основании как за сахар текущего периода; но заводчику предоставляется оставлять излишек сахара на заводе в свободном запасе, и в сём случае излишек сахара впредь до выпуска с завода не подлежит оплате ни дополнительным налогом, ни акцизом»¹⁶⁹.

Возникший кризис сахарной отрасли заставил Министерство финансов заняться вопросом о переформатировании законодательства о сахаре. Однако, по оценке средств печати, министерство остановилось на двух мерах совершенно частного значения, ни в коей мере не менявших принципиальных основ сахарного нормирования. Одна из этих мер предусматривала установление предельной цены на рафинад и носила характер временного обязательного постановления, опирающегося на исключительно политические условия военного времени. Таким образом, введение максимальных цен на рафинад имело прецедент в законодательной практике и не требовало пересмотра действующего закона.

Вторая мера, направленная на борьбу с «сахарным голодом», наоборот, требовала определённой законодательной реформы, ориентированной вновь возникавшие заводы на максимальную производительность. В проекте, представленном министром финансов Совету министров, предполагалось повысить нормы максимальной производительности вновь возникавших заводов до 300 000 пудов, а норму выпуска сахара на внутренний рынок – до 150 000 пудов¹⁷⁰. Проект был утверждён Советом министров и вступил в силу согласно 87 статьи основных законов, т. е. без участия Государственной Думы, работа которой была на тот момент приостановлена.

Однако эти меры сталкивались с полным несоответствием между установленными нормами, с одной стороны, а также с фактической производительностью и размерами внутреннего потребления – с другой. Законодателями выработка продукции заводами была определена с таким расчётом, чтобы она содействовала возникновению мелких сельскохозяйственных предприятий, но за 20 лет нормирования выпуска сахара особое развитие получил процесс концентрации производства, и мелкие сельскохозяйственные предприятия потеряли своё прежнее значение. «Средняя производительность каждого завода значительно возросла и ныне превышает 350 000 пудов, т. е. более чем в два раза выше действующей максимальной нормы... Ясно, что норма в 150 000 пудов оказалась отжившей, устарелой и стесняла возникновение новых заводов»¹⁷¹.

Сахар исчез из продажи после объявления обязательной на него таксы. Некоторое время спустя он появился, но только «в самых захудальных, прямо подозрительных лавочках, и продавался, несмотря на существование таксы, по 23–26 и более копеек за фунт»¹⁷².

¹⁶⁹ ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 15. № 12166. С. 624.

¹⁷⁰ РГИА. Ф. 564. Оп. 2. Д. 1845. Л. 13.

¹⁷¹ Киевская мысль. 1915. 2 июня.

¹⁷² Новое время. 1916. 2 июля.

Примечательно, что поступал он в небольших количествах, чтобы поддерживать «настроение кризиса» и тем самым объяснять его высокую цену. Газеты утверждали, что заводские конторы отпускали сахар только тем торговцам, которые расписывались, что получили его по установленной цене, но на самом деле нелегально соглашались на значительную переплату¹⁷³.

Работа целой армии перекупщиков, до последнего времени ничего общего с сахарным делом не имевших, привела к тому, что на спекуляциях сахаром через создание искусственного дефицита наживались крупные состояния¹⁷⁴. Их деятельность дополняла усилия производителей сахара, которые преследовали цели реализации своей продукции с наибольшей для себя выгодой. «Для обыкновенного российского промышленника выжидание "хороших" цен даже при наличии голода на продукты, коими оперирует этот промышленник – вещь слишком обыкновенная, слишком позовительная (как то, к сожалению, показывают факты русской жизни)»¹⁷⁵. Как уже отмечалось, определенную роль играли также ожидания, связанные с возможностями будущего вывоза сахара за границу. Сложившуюся ситуацию с поставками сахара ярко иллюстрируют заголовки статей в газетах: «Сахарные чудеса», «Сахарная эпопея», «Сахарные фокусы», «Сахарные манипуляции», «Сахарные анекдоты».

В 1916 г. к проблемам спекулятивного характера и хождению раздвоенных цен: твердой и «вольной» добавились объективные экономические причины. В отличие от первых двух лет войны, когда сахарная промышленность благодаря высоким урожаям свеклы более или менее успешноправлялась с затруднениями военного времени, кампания 1916 г. уже проходила в условиях расстройства всех сторон экономики. К 20 сентября 1916 г. было убрано всего 20 %, а доставлено на заводы только 13 % ожидавшейся свекловицы, тогда как в 1915 г. при весьма неблагоприятных условиях было собрано на тот период 68 %, а доставлено на заводы 45 % урожая¹⁷⁶. Низкий урожай привел к повышению цен на свекловицу, а вслед за этим, естественно, сильно выросла себестоимость сахара.

Одновременно, несмотря на снижение урожайности, в 1916 г. стало ощущаться отсутствие рабочих рук как при посевных и уборочных работах, так и на заводах при производстве сахара. При этом наблюдался недостаток как специалистов: машинистов, токарей, слесарей, паковщиков и др., так и чернорабочих. Созданное в Киеве 20 января 1916 г. Центральное бюро, через которое должны были проходить все требования по закупке сахара, неоднократно обращалось с просьбой об освобождении женщин и подростков от оконных работ в районах возделывания свекловицы, что находило поддержку у военных властей. Хуже обстояло дело с военнообязанными рабочими-мужчинами: отсрочки им предоставлялись только в очень редких случаях. В итоге в июне 1916 г. от сахарозаводчиков была направлена заявка на выделение 8 500 военнопленных для работы на заводах по производству сахара, в июле – на 15 945, в августе – на 10–20 тысяч человек, в сентябре – на 25–30 тысяч¹⁷⁷.

В начале 1916 г. второй раз с лета 1915 г. года страна испытала «сахарный голод», а осенью 1916 г. на сахар с целью равномерности его распределения были введены карточки. Для этого была осуществлена регистрация населения, в городах для разного рода учреждений выдавались коллективные карточки по пяти разрядам: 1) для больниц; 2) для гостиниц; 3) для столовых; 4) для общежитий; 5) для учреждений, выдающих чай¹⁷⁸.

В июне 1916 г. был упразднён последний остаток старой нормировочной системы: циркуляром от 9 июня неприкосновенный запас сахара в размере около 7 млн пудов стал свободным для реализации на внутреннем рынке в зависимости от распоряжения Центрального бюро. Этим актом было закончено дело объединения всей продажи сахара в

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Киевская мысль. 1916. 22 февраля.

¹⁷⁵ Киевская мысль. 1916. 10 февраля.

¹⁷⁶ Народное хозяйство в 1916 г. Вып. 5–6. Петроград, 1921. С. 43.

¹⁷⁷ Там же. С. 57.

¹⁷⁸ РГИА. Ф. 564. Оп. 2. Д. 1845. Л. 39.

руках этой организации и прекратилось применение мер урегулирования сахарной промышленности по законам 20 ноября 1895 г. и 12 мая 1903 г. (сахарной нормировки).

Заключение

Таким образом, политика твёрдых цен на продукты первой необходимости, в том числе на сахар, в условиях Первой мировой войны не оправдала возлагаемых на неё надежд. Таксировка продукции, к которой стало прибегать правительство Российской империи при посредничестве местных властей, не решала всех проблем, порой порождая новые, например, спекуляцию и искусственный дефицит. Существенным фактором, способствовавшим возникновению «сахарного голода» в первый год войны, явилась также проблема с его транспортировкой из производительных регионов в места потребления. Дефицит сахара был вызван и политикой сахаразаводчиков, а в некоторой степени и правительства, которое вынашивало идею активизации внешнеторговой деятельности, в том числе в сфере экспорта сахара во Францию, в Бельгию, в Англию, а также в Персию. В 1916 г. к проблемам спекулятивного характера добавились объективные экономические причины. На заводах по производству сахара стало ощущаться отсутствие рабочих рук. Усугубил ситуацию низкий урожай свекловицы в 1916 г.

Как показало исследование, периодическая печать уделяла должное внимание состоянию сахарного рынка, размещая на своих страницах материалы информационного и аналитического характера. Газеты весьма критично комментировали правительственные меры, направленные против роста цен на сахар, регулярно ставили вопрос о реорганизации самой системы управления сахарным производством и его распределения. Не случайно Министерство финансов отслеживало газетные публикации, рассматривая их и как источник сведений о ситуации с сахарным обеспечением, и как информационный ресурс о настроениях населения в связи с возникшими проблемами. Материалы периодики использовались, вероятно, и в процессе поиска решений преодоления «сахарного голода» в стране.

Список источников

- Киевлянин. 1914. 4 апреля.
Киевская мысль. 1915. 19 февраля.
Киевская мысль. 1915. 2 июня.
Киевская мысль. 1916. 10 февраля.
Киевская мысль. 1916. 22 февраля.
Народное хозяйство в 1916 г. Вып. 5–6. Петроград. Гос. тип., 1921. 107 с.
Новое время. 1915. 21 июня.
Новое время. 1916. 2 июля.
Новое время. 1916. 10 сентября.
Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 3-е. Т. 15 (1895). № 12166.
ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 23 (1903). № 22951.
Речь. 1915. 16 мая
Речь. 1915. 26 мая.
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 564. Оп. 2. Д. 1845. Газетные вырезки о сахарной промышленности в России 1914–1916 гг.
Южный Край. 1915. 25 июня.

Список литературы

- Белогурова Т.А. 2006. Русская периодическая печать и проблемы внутренней жизни страны в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). Смоленск, Смоленский ЦНТИ, 130 с.
Кафенгауз Л.Б. 1994. Эволюция промышленного производства России. Москва, Эпифания. 848 с.
Китанина Т.М. 1985. Война, хлеб и революция (Продовольственный в России. 1914 – октябрь 1917 г.). Ленинград, Наука. 384 с.
Китанина Т.М. 2016. Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг.: экономика и экономическая политика. Курс лекций. Санкт-Петербург, Гуманитарная академия. 352 с.

- Кондратьев Н.Д. 1991. «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции». Москва, Наука. 487 с.
- Корелин А.П. 1999. С.Ю. Витте и бюджетно-финансовые реформы. *Отечественная история*. 3: 42–63.
- Осекин М.В. 2018. Хлеб для фронта: продовольственное и фуражное снабжение русской армии в период Первой мировой войны и революции (1914 – октябрь 1917). Тула, ООО Аквариус. 596 с.
- Сидоров А.Л. 1973. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. Москва, Наука. 655 с.
- Цехановский М.Ю. 1904. Исторический обзор свекло-сахарной промышленности (1800–1904). Киев. 54 с.
- Шигалин Г.И. 1956. Военная экономика в Первую мировую войну (1914–1918 гг.). Москва, Воениздат. 332 с.
- Gatrell Peter. 2005. Russia's First World War: A Social and Economic History. Harlow, England: Longman. 318 p.

References

- Belogurova T.A. 2006. Russkaya periodicheskaya pechat' i problemy vnutrenney zhizni strany v gody Pervoy mirovoy voyny (1914 – fevral' 1917 gg.) [Russian Periodical Press and Problems of Internal Life of the Country during the First World War (1914 – February 1917)]. Smolensk, Smolenskiy TsNTI. 130 p.
- Kafengauz L.B. 1994. Evolyutsiya promyshlennogo proizvodstva Rossii [Evolution of Industrial Production in Russia]. Moscow, Epifania. 848 p.
- Kitamina T.M. 1985. Voyna, khleb i revolyutsiya: (Prodovol'stvennyy v Rossii. 1914 – oktyabr' 1917 g.) [War, Bread and Revolution (Food in Russia. 1914 – October 1917)]. Leningrad, Nauka. 384 p.
- Kitanina T.M. 2016. Rossiya v Pervoy mirovoy voynye 1914–1917 gg.: ekonomika i ekonomicheskaya politika. Kurs lektsiyi [Russia in the First World War 1914 – 1917: Economy and Economic Policy. Course of Lectures]. St. Petersburg, Humanitarian Academy. 352 p.
- Kondratiev N.D. 1991. «Rynok khlebov i ego regulirovanie vo vremya voyny i revolyutsii» ["The Bread Market and its Regulation during the War and Revolution"]. Moscow, Nauka. 487 p.
- Korelin A.P. 1999. S.Yu. Witte i byudzhetno-finansovye reformy [S.Yu. Witte and Budgetary and Financial Reforms]. *Otechestvennaya istoriya*. 3: 42–63.
- Osokin M.V. 2018. Khleb dlya fronta: prodovol'stvennoe i furazhnoe snabzhenie russkoy armii v period Pervoy mirovoy voyny i revolyutsii (1914 – oktyabr' 1917) [Bread for the Front: Food and Forage Supply of the Russian Army during the First World War and Revolution (1914 – October 1917)]. Tula, ООО Akvarius. 596 p.
- Sidorov A.L. 1973. Ekonomicheskoe polozhenie Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny [Economic Situation of Russia in the Years of the First World War]. Moscow, Nauka. 655 p.
- Tsekhanovsky M.Y. 1904. Istoricheskiy obzor sveklo-sakharnoy promyshlennosti (1800–1904) [Historical Review of the Beet-Sugar Industry (1800–1904)]. Kiev. 54 p.
- Shigalin G.I. 1956. Voennaya ekonomika v Pervyyu mirovyyu vojnu (1914–1918 gg.) [Military Economy in the First World War (1914–1918)]. Moscow, Voenizdat. 332 p.
- Gatrell Peter. 2005. Russia's First World War: A Social and Economic History. Harlow, England: Longman. 318 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.05.2025

Received 20.05.2025

Поступила после рецензирования 07.06.2025

Revised 07.06.2025

Принята к публикации 09.06.2025

Accepted 09.06.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сорокина Жанна Александровна, аспирант кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, г. Брянск, Россия

[ORCID: 0009-0006-5046-9757](#)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhanna A. Sorokina, Postgraduate Student of the Department of National History, Academician I.G. Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia